Марсель МАРСО:

БЫТЬ СВЕЖИМ. COBPEMEHHЫM

Это интервью выдающегося французского антера Марселя Марсе является как бы продолжением его прошлогодней беседы, напечатанной в еженедельнике «Литературная Россия» (№ 4 за 1965 год). Недавно Марсель Марсо с большим успехом совершил гастрольную поездку по нашей стране, которая закончилась его выступлениями в Мосиве. Наш корреспондент снова побывал у Марселя Марсо и беседовал с ним.

Не знаю, когда произошла эта история. Может быть, давным-давно, а может, и в наши дни. Трудно сказать точно, пото-му что сколько стоит Париж, столько и существует в этом горо-де узенькая улоч-ка, на которой ка, на которой тесно прижались друг к другу двух-этажные и трех-этажные дома, а люди, живущие в

них, спокойно переговариваются с соседями че-рез улицу прямо из окон. В мансардах здеш-них домов живут бродячие актеры, никому не известные художники и поэты. А еще живет на этой улице Мастер, делающий маски. В окне его маленькой мастерской выставлены белые маски пе-чальных Пьеро, легкомысленных Коломбин, Арле-кинов, озорных хитрепов Полишинелей и дурацкая маска шута. Если присмотреться внимательнее, то можно увидеть на задней стене мастерской трагическую, скорбную маску. Ес сделал еще прадел Мастера, который тоже работал в этой мастерской, на этой самой улице. Трагическая маска никогла не появляется в витрине — люди сторонятся чужой бети в мастер побыт привей и не усцет ну оторнать. ды, а Мастер любит людей и не хочет их огорчать. Время от времени он берет какую-нибудь из своих масок, надевает ее и смотрит на улицу — ему хочется взглянуть на мир глазами Арлекина или По-

Однажды Мастер примерял свои маски. Он наде-Однажды Мастер примерял свои маски. Он надевал то одну, то другую, а уличные прохожие и сосси весело смеялись, наблюдая за ним. Тогда Мастер решил показать людям самую старую маску—ту, трагическую, которую сделал его прадед. Он снял ее со стены и, налев, обернулся к собравшимся. Смех мгновенно смолк, ему на смену пришел испут. Но Мастер быстро стянул со своего лица страшную маску и надел другую — дурацкую. И снова раздался хохот. Так Мастер забавлял народ, чередуя трагическую маску с дурацкой. Люди сбежались к его мастерской и полталкивая друг друга жались к его мастерской и, подталкивая друг друга локтями, смеллись до упаду — никогда на улице еще не было такого веселья. И вдруг смех смолк снова: все увидели, как Мастер тшетно старается содрать с лица дурацкую, шутовскую маску. Он тянул ее во все стороны, но маска не поддавалась. Люди в ужасе бросились прочь.

Заламывая руки, Мастер, словно обезумевший, метался по опустевшей улице и звал на помощь. Чужое лицо прочно приросло к нему, как проклятье. Выбиваясь из сил, Мастер вернулся в свою мастерскую. Горестно понурившись, силел он за своим рабочим столом, пряча лицо в ладонях. А со стола раоочим столом, пряча лино в ладонях. А со стола на него скорбно глядела трагическая маска, сделан-ная еще его прадедом. И казалось, что Мастер уже смирился с тем, что так ему и жить с этой дурац-кой маской на липе. Но нет, вот он еще раз осто-рожно потянул ее от подбородка кверху, и — о, чу-до! — маска поддалась. Мастер потянул сильнее, потом еще сильнее, а под конец дернул изо всех сил-

и маска соскотила с его лина. Соседи, наблюдавшие за Мастером из окон, рас-сказывали потом, что долго еще стоял он, поражен-

ный случившимся, удивленно глядя куда-то вверх... Историю Мастера масок рассказал зрителям мно-гих стран мира Марсель Марсо. В этой сценке, которую актер играет с абсолютной убедительностью, па мой взгляд, наиболее ярко представлен смысл древнего искусства. Мастер пантомимы — тот же мастер масок: он предстает перед нами разноликим, дает на сцене самые разнообразные характеры, именно создает, полобно мастеру, создающему маски. Так же, как работа мастера масок ведется на глазах людей, проходящих мимо его мастерской, ра-бота мима происходит прямо на сцене, перед публикой. Создаваемые актерским мастерством и вдохно-

вением, образы остаются в памяти зрителя и живут еще долго после того, как опускается занавес.
В этом году Марсель Марсо снова приехал в Москву после большой поездки по нашей стране. Его тепло принимали зрители Ленинграда и Вильнюса, Кишинева, Баку, Тбилиси, Ташкента.

— Каждый мой приезд в вашу страну, — говорит Марсель Марсо, — это радостная встреча с друзьями искусства, с друзьями пантомимы. Кан и во многих странах мира, ваши эрители полюбили моих героев. И я счастлив, что язык пантомимы ясен людям.

Да, язык пантомимы стал нам понятен так же, как язык кино, театра, и произошло это во многом благодаря нашему знакомству с искусством Марселя Марсо. И мы рады кажлой новой встрече с ним.

Он был первым актером, приехавшим в Ташкент на гастроли после начала землетрясения. Полный сбор от одного из концертов Марсо пошел в фонд восстановления города.

— Я видел людей, — рассказывает артист, — которые мужественно встретили это стихийное бедствие. Я восхищаюсь их ежедневным героизмом, героизмом тружеников, восстанавливающих Ташкент. Меня поразила молодежь, съехавшяяся со всей страны, чтобы строить этот город заново. И, глядя на иих, я верю: будет построен новый город, ведь в этом участвует вся страна.

Я знаю, что людям в Ташкенте нелегко. И поэтому для меня было особенно важно выступать перед ними, силой искусства помочь им. Ведь вдохновение артиста передается со сцены в зрительный зал, и оно должно заражать зрителя.

Вдохновение артиста. Оно подобно энергетическому полю большой мощности, захватывающему весь зал, который, затаив дыхание, напряженно следит за каждым движением актера. А тот, окрылеяный верой зрителя, царит на сцене среди создаваемых им образов.

мых им образов.
В программе этого года Марсо показывает семь пантомим, тематически объединенных названием «Семь смертных грехов». Актер по-своему трактует библейские грехи, показывая на современных сюжетах их природу.

тах их природу.

— Это грехи не в их библейском толковании. Мне хотелось показать, что зависть, лень, жадность, ханжество и гордыня наносят вред всем. Поназать порок мало — его нужно высмеять, разоблачить. Поэтому я использовал в «Семи смертных грехах» метод контраста. В пантомиме «Зависть» рядом с маститым скульптором работает талантливый ученик, которому удается преодолеть навязанное учителем подражание. Гордыню генерала вскрывает игра в шахматы: не желая кому-либо пооигрывать, он предпочитает играть сам с собой. Лицемерие ханжи — этого современного Тэртнофа — проявляется после благотворительного обеда, когда он, запершись в своей коммате, объедается.

Эта пантомима, кстати сказать, имела огромный успех в странах Латинской Америки, где сильно влияние католицизма.

Людям часто приходится убеждаться в лицемерии служителей церкви, извлекающих солидный доход из приношений верующих.

Таким образом, в творчестве Марселя Марсо про-

Таким образом, в творчестве Марселя Марсо про-должается комедия характеров — подлинная «че-ловенеская комедия», комедия ярких образов, ост-рых ситуаций, социальных конфликтов. Они ощутимо встают перед зрителями, и в зале во время концер-

та Марсо нет равнодушных.

И, как прежде, вместе с Марселем Марсо в Москву приехал его неизменный Бип, парижский гамен, философ и мечтатель, поэт и насмешник. Но при философ и мечтатель, поэт и насмешник. По при всей «знакомости» этого удивительно жизнералостного и милого героя Марсо в программе 1966 гола Бип чуть-чуть другой. Вот, например, новая пантомима — «Бип-солдат». Это баллада о солдате, поэтичная песня, рассказывающая ту единственно воз-можную правду о войне, которую может и должен поведать честный художник. Нелепость и ненужность войны, вызываемых ею жертв и разрушений точно и предельно ощутимо показал Марсель Марсо в своей пантомиме, имеющей явную антимилитарист-

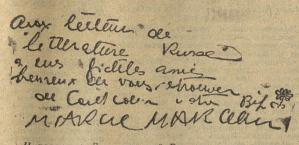
— Я ненавижу войну. Мне хочется поназать ее противоестественность. Наверное, это особенно хорошо понимают в вашей стране, ноторая вынесла на себе всю тяжесть гитлеровского нашествия. Я думаю, что задача актера пантомимы — поназать мир таким, как он есть. Его многогранность. Мир вещей должен быть предельно ощутим для зрителя. Мир людей — предельно ярок.

Этой предельной ощутимости и предельной ярко-сти сценического воплощения Марсо достигает при помощи минимальных изобразительных средств. Он один на сцене. Легкое движение руки — и зритель видит порхающую весениим днем бабочку, еще одно движение, плавное, округлое,— и вот уже Бип вместе со своей возлюбленной прогуливается в лесу... Язык пантомимы Марсо отточен и лаконичен. И

этот лаконизм дает возмежность актеру не только показать мир таким, каков ен, но и расставить в нем акценты, рассказать, что актер принимает и что отвергает, чему радуется и чем возмущается.
- Я невольно всломнил свой прошлогодний разговор

с Марселем о внутреннем духе его героев. Тогда он сказал мне: «Внутренний дух моих героев — борьба за свое собственное «я», за человеческое достоинство». Сейчас этот «внутренний дух» заметно окреп, сформировался и властно заявляет о себе. Герон Марсо действуют в реальном мире, и у каждого свое отношение к нему.
Об отношении человека к современности, к миру,

в котором мы живем, ярким языком искусства пан-

Читателям «Литературной России», моим верным друзьям. Рад новой встрече с вами — от всего сердца — Бип. Марсель Марсо.

томимы и рассказывает Марсо. Его сценическое повествование можно дополнить некоторыми подробностями. Мне довелось их недавно услышать от самого актера, поделившегося мыслями о своем повзрослевшем Бипе.

— Ему, этому взрослому Бипу, нужна труппа. Люди научились понимать язык пантомимы — теперь надо «говорить». Говорить о велином и малом, о всем том повседневном, из чего снладывается сама жизнь. Ведь все, даже на первый взгляд незначительные явления нашей жизни создают то, что становится историей. И в этих повседневных явлениях жизни в людях можно увидеть то, что с огромной силой проявляется в их поступнах в критические моменты истории. Нужно уметь увидеть эти проявления, а увидев, показать. Потому что исторические моменты в жизни того или иного народа не наступают внезапно, их готории повседневная жизнь.

Марсо много думает о тех переменах, происходят в мире. И не случайным показалось мне то, что говорил Марсель о своих гастролях в ФРГ.

то, что говорил Марсель о своих гастролях в ФРГ.

— Я знаю, что среди тех, кто смотрел мои концерты в Западной Германии, были люди, которые творили зверства во время войны. Они не пишут на своей груди: «Я — эсэсовец». Нет, они аплодируют вместе со всеми. Может быть, они избежали наказания, но наказание неотвратимо, эта неотвратимость наказания за преступления нацизма возникла одновременно с самим его появлением. В Польше мне рассказали, как в одном из концлагерей фашисты собрали опкестр из музыкантов евреев. Этот оркестр должен был играть в то время, как узников отправляли в газовые камеры. Оркестр играл реквием Верди. Под его звуни тысячи жертв — русских, французов, поляков — отправвлянсь в свои последний путь. А потом вслед за ними в газовые намеры был отправлен и орнестр. Фашисты из лагерной охраны смеялись нар оркестрантами: мол, играют на своих похоромах... Горько, страшно...

И вместе с тем я виму в этом эпизоде всю неотвратимость крушения фашизма, его историческую обреченность. Нацисты сумели превратить значительную часть немециого народа в свое послушное орудие. Но на пути фашизма встал великий народ России. Его мужество гетомум помогли возникновению Сопротивления, определили крушение фашизма в Европе.

К сожалению, сейчас фашисты снова поднимают

К сожалению, сейчас фашисты снова поднимают голову, становятся на ноги. И мимо этого искусство не должно пройти.

Проблему гражданственности искусства Марсель Марсо связывает с мастерством художника, с характером и направленностью его творчества.

рактером и направленностью его творчества.

— Актер должен быть свежим, современным, тогда он дает вдохновение зрителю. Если этого нет — значит актер стареет. А он и его твоочество должны быть свежими, подобно живописи. Ведь, глядя на нартину мастера, нельзя сказать, в наком возрасте он ее создал. А свежесть актера во многом зависит от точности его языка. Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой, Чехов выражали свое время, дух усского народа посредством слов. Точно тан же мим обязан средствами своего искусства — жестом, движением— вогсоздавать время, дух своих героев.

Люди понимают мима, когда он точен. Мим своим телом воссоздает магию момента, ситуацию. Он показывает умонастроение в ключевые моменты, создавая образ человека любящего или ревнующего, развленающегося или умирающего. Иногда достаточно одного движения, чтобы создать настроение, но это движение должно быть точным.

Точность. Это, собственно, очень емкая характе-

Точность.- Это, собствечно, очень емкая характеристика всей работы Марсо на сцене. Как Мастер масок, он создает предельно выразительные образы надолго остающиеся в памяти и сердие зрителя. И каждая встреча с героями Марселя Марсо — это праздник, праздник встречи с большим искусством большого мастера.

Владимир ЗЛАТКИН